

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ЧУДО НА КАБЛУКАХ

Часть сборника: Странная женщина (сборник)

Юлия Климова
Чудо на каблуках

«ЭКСМО»

2017

Климова Ю.

Чудо на каблуках / Ю. Климова — «Эксмо», 2017

«Я фея добра и радости. Если меня нет рядом, значит, кругом бескрайняя пустыня, где каждая жёлтая травинка надеется достать корнями воду, где каждый путник мечтает об оазисе и постоянно прогоняет настойчивые миражи прочь, где жизнь перемешана с серо-коричневым песком, который мучительно хрустит на зубах. Я – надежда. Я – шанс...»

© Климова Ю., 2017

© Эксмо, 2017

Юлия Климова

Чудо на каблуках

Я фея добра и радости. Если меня нет рядом, значит, кругом бескрайняя пустыня, где каждая жёлтая травинка надеется достать корнями воду, где каждый путник мечтает об оазисе и постоянно прогоняет настойчивые миражи прочь, где жизнь перемешана с серо-коричневым песком, который мучительно хрустит на зубах. Я – надежда. Я – шанс.

Вот так красиво я иногда думаю о себе. Знаете, помогает. Сразу расправляются плечи и появляется ощущение собственной значимости – важности, нужности. Мне, честно говоря, очень не хватает этого, когда приходится работать... м-м-м... талисманом. Даже не знаю, с какого места биографии начать, чтобы хорошенько всё объяснить...

Ещё в школе я заметила, что Витька – дремучий двоечник – получает четвёрки на контрольных, если Варвара Ильинична сажает его рядом со мной. Нет, он у меня никогда не списывал, и я ему не помогала. Какое там! Я даже голову в его сторону повернуть боялась. Поговаривали, будто Витька и червяков ест, и пауков, и крыс. Кого-то живьём, запросто, а кого-то на костре жарит... Я верила. Сидела и не шевелилась, практически не дышала, а он пытел, пытел над тетрадкой, зубами скрипел, бросал на меня короткие взгляды, а потом чудесным, невероятным образом получал четвёрку.

Надо сказать, что мои способности талисмана распространяются не на всех, мне как бы на этого человека настроиться нужно. Про Витьку, например, я все сорок пять минут урока думала. Это точно. Ну... ест он этих червей или нет...

На свадьбах я вообще незаменима. И лучше меня свидетелем приглашать – это сто-процентная гарантия счастья в личной жизни. Взять, например, Ленку с Андреем. Мне иногда их даже треснуть чем-нибудь хочется, невозможно же так жить. Позовут к себе, а сами как два голубя на одной ветке, точно в загсе вчера были, и глаза сияют. Но уже восемь лет прошло, пора бы уже как-то по-другому... Или Томка с Сашкой. Три года страсти кипели, дверьми хлопали, посуду били, слова нехорошие говорили, а потом поженились, и вот... четверо детей. «Голубчик мой сладкий», «Любимочка моя».

Я больше на свадьбы не хожу. Страшно. Пусть сами разбираются и разводятся, если нужно.

А лет с двадцати пяти моя жизнь значительно ухудшилась. У меня появилась аллергия на тяжкое горе, беду и болезни. Глаза стали краснеть и слезиться, сопли – ручьём, отчего нос мгновенно приобретал помидорный цвет, а в мусорной корзине росла гора одноразовых носовых платков. С такой аллергией никакая работа не совместима, уж поверьте...

Сначала я предположила, что простыла. Окно в кабинете постоянно закрывала, в шарф куталась, чай с мёдом пила, но проблема заключалась не в сквозняках. Просто нашему фотографу – рыжему Павлику – грозил перелом ноги, и именно я должна была его спасти. Должна, но не спасла, так как многого не знала и не понимала.

Ногу он сломал, аллергия мгновенно прекратилась.

Позже, когда начальница отдела кадров собралась в командировку, у меня воспалились все слизистые оболочки. Однако я и тогда не сообразила, что это знак. Да и кого бы осенило на моём месте?

Через два дня Вера Петровна не вписалась в поворот и врезалась в иномарку, хорошо, врачи помогли... Можно сказать, исправили мою тупость. Аллергия опять исчезла без следа.

По минутам или даже по секундам вся моя жизнь стала укладываться в голове заново. Я заподозрила... боялась поверить... мучилась... крутила пальцем у виска и... купила десять упаковок одноразовых платков, потому что глаза опять чесались и слезились.

«Кто следующий?» – задалась я вопросом и отправилась бродить по офису в поисках человека, которого должна спасти.

Около уборщицы стало легче: задышалось свободнее, сопли молниеносно высохли. И что делать? Какие ваши предложения? Не знаете? И я не знала тоже. Поэтому забралась на подоконник и стала разговаривать с тётёй Машей. А у неё как-то жизнь не ладится: муж пьёт, сын оболтус, дочь в институт не поступила и мается... Ну и кого именно спасать, и главное – как? А потом она тряпку отжимает, выпрямляется и говорит: «Тянет что-то последнее время в животе, съела, наверное, гадость какую-то».

Десять пачек носовых платков – очень мало. Особенно когда слёзы где-то там в глубине копятся, а потом в секунду брызгают из глаз. Я даже говорить ничего не стала, а прямо с подоконника вызвала тётё Маше «Скорую». Врач позже сказал, что дня через два аппендикс бы точно разорвался и по лечению была бы совсем другая история... Нет, я не чувствовала себя суперособенной и ничему не радовалась – нос чесался вновь.

Хорошо, что спасать мне нужно было не всех, а выборочно. И их выбирала не я, а кто-то там наверху... Может, не все заслуживали спасения, а может, их спасали другие талисманы, такие же, как я. Честно говоря, меня всегда мучил вопрос: а есть ещё такие, как я? Где они, как живут, как справляются?..

В офисе я часто сидела с красными глазами и протяжно сморкалась, за чужим спасением теперь приходилось выходить на улицу и искать, искать, искать... Затем случались небольшие передышки (вот оно, моё личное спасение!), и каждый раз я со страхом ждала: когда же «опять в бой»?

Вам приходилось приставать к совершенно незнакомым людям и пытаться спасти их от того, о чём вы понятия не имеете? Нет? А я стала так жить.

Через полгода меня уволили за частые отлучки (напоследок посоветовали поправить здоровье), и я даже с радостью заперлась в квартире, надеясь, что сюда – в мою крепость – не проникнет ни одна молекула ничьей беды. Не проникнет и не призовет меня.

Но как же я ошибалась...

Приблизительно раз в две недели, а то и чаще, я просыпалась с уже привычными симптомами своего неизлечимого «заболевания». До обеда традиционно сморкалась, сопротивлялась, затем сжимала губы, мысленно повторяла нелепые фразы: «Извините, я должна вас спасти. Только, пожалуйста, не считайте меня сумасшедшей» или «Подождите, у вас ничего не болит в данную минуту? Куда путь держите?» – и открывала дверь с тяжёлым прерывистым вздохом. У талисманов нет выбора, они обязаны... м-м... светить. Спасать. Пару раз закрадывалась мысль: а не махнуть ли рукой на свои обязанности перед человечеством, всё равно же насморк пройдет после того, как мой подопечный получит сотрясение мозга или ещё что-нибудь потрагичнее, но... Как потом жить? Как есть и спать?

Сейчас мне тридцать три, и за столько лет непосильного труда я порядком истрепалась. Морально и физически. У нормальных людей бывают отпуска, у ненормальных – мыслей о солнце и пляже не возникает.

Когда я перестала мечтать о своём прекрасном светлом будущем?

Вряд ли получится вспомнить, моя личная жизнь давно покрыта толстым слоем ватной пыли, похожей на одеяло. И пыль стирать категорически нельзя, она помогает чувствовать себя будто в коконе, почти защищённой. Приноровилась, так сказать.

Я теперь вяжу. В основном спицами, реже крючком. То есть вязать я начала давно, потому что талисманам зарплату не платят... И знаете, я даже не считаю это несправедливым. Можешь ковать – куй, можешь лепить – лепи, можешь делать столбики с накидом – делай. Иначе сойдёшь с ума. Трудотерапия – великая вещь, особенно когда хочется кушать или забыться. Попробуйте набрать двести семьдесят восемь петель спицами, а потом пересчитайте их. Помогает? Да, помогает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.